

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

УДК 811.11-112

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-121-131

СПЕЦИФИКА ДИСКУРСА «ЛИТЕРАТУРНЫХ ОДИНОЧЕК»

Морозова М. Е.

Пятигорский государственный университет

357500, г. Пятигорск, пр-т Калинина, д. 9, Российская Федерация

Аннотация

Цель статьи в описании персонажей-одиночек как специфичной группы литературных персонажей, своеобразие которых проявляется в их особом душевном состоянии.

Процедура и методы. Для фигур персонажей-одиночек выявляются контексты их высказываний, идентифицируются и анализируются языковые средства, активные в дискурсе особого чувственного состояния. На основе типологии субъектов одиночества в художественном тексте в лингвокомпаративном аспекте рассматривается и их способность проявлять своё речевое поведение.

Результаты. По итогам исследования делается заключение о дискурсивной интенциональности и об ограниченной коммуникационной необходимости персонажей-одиночек.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость сводится к прагматическому обоснованию нарушения одиночками схемы коммуникации. Актуально для дискурсологии в применении к художественным текстам.

Ключевые слова: дискурсивная реализация проблемы, интенциональность, коммуникативное поведение, лингвокомпаративное описание, литературные одиночки, типология интенциональности

THE SPECIFICS OF THE DISCOURSE OF “LITERARY LONERS”

M. Morozova

Pyatigorsk State University

prospekt Kalinina 9, Pyatigorsk 357300, Russian Federation

Abstract

Aim. To describe loner characters as a specific group of literary characters, whose specificity is manifested in their special state of mind.

Methodology. In the course of the study of loner characters, the author reveals the contexts of their statements, identifies and analyzes the linguistic means active in the discourse of a special sensory state. Based on the typology of loneliness subjects in a literary text, their ability to show their speech behavior is also considered in a linguo-comparative aspect.

Results. Based on the results of the study, a conclusion is made about discursive intentionality and limited communication necessity of loner characters.

Research implications. The theoretical significance is confined to the pragmalinguistic substantiation of the communication scheme violations by loners. The paper is relevant for discourse studies as applied to literary texts.

Keywords: communicative behavior, discursive realization of the problem, intentionality/typology of intentionality, linguo-comparative description, literary loners

Введение

Понятие «литературный одиночка» мы распространяем на персонажей литературы, выписанных авторами как специфичный тип главной фигуры с особым складом души, восприятия, переживаний и отношения к людям и жизни. Такая специфичность заключается в гибридном симбиозе потребности в одиночестве и коммуникационной необходимости.

В фокусе внимания данной статьи – ряд немецких литературных одиночек, тем не менее, этот феномен представлен многочисленными примерами и в мировой литературе: «Дон Кихот» Мигеля Сервантеса, «Исповедь» Жан Жака Руссо, «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, «Сто лет одиночества» Габриеля Г. Маркеса и другие. Мотив одиночества зачастую не обозначен на уровне заголовка произведения (как, например, «Глазами клоуна» Генриха Бёлля или «Триумфальная арка» Эриха Марии Ремарка), а получает выражение с помощью множества эксплицитных языковых средств – маркеров данного состояния. Актуальным представляется исследование дискурсивно организованной вербализации такого состояния на материале художественных произведений.

Целью настоящей работы является лингвокомпаративное описание обозначенных нами специфических персонажей. Наше внимание обращено к средствам и способам персонажей-одиночек заявлять и осуществлять своё «коммуникативное поведение» [6], выявить и описать которые мы ставим своей задачей. Гипотетически мы предполагаем, что специфика описываемого типа художественной фигуры заключается в его не-

соответствии коммуникативным принципам, и в заключении сформулируем прагматическое обоснование для данной гипотезы.

Поскольку любое экзистенциальное состояние (одиночество как одно из них) получает свою физическую реализацию в языке, мы выбираем этот постулат за основу своего анализа при описании интенционального мира литературного одиночки как типа. Вторым важным для нас постулатом мы берём идею о том, что такой интенциональный мир организуется автором в художественном дискурсе, в рамках которого данный персонаж вырисовывается и обитает. Обе исходные позиции, как мы ожидаем, позволят нам дискурсивно рассмотреть персонаж-одиночку и описать коммуникативные процессы его взаимодействия с окружающим миром. В основе такого коммуникативно-ориентированного анализа лежат речевые действия литературных фигур(антов).

Материалом исследования взяты произведения немецкоязычной литературы, некоторое межкультурное сопоставление с акцентом на русскую коннотацию одиночества также имеет место быть. Экстраполировать исследование и его выводы на произведения мировой литературы, упомянутые в начале статьи, в нашу задачу не входит.

Выводы и гипотезы о коммуницирующих с определёнными намерениями субъектах опираются на теорию дискурса Дж. Сёрла [11] и результаты диссертационного исследования Татьяны Журавлёвой [4], в котором разработана типология интенциональных типов литературных одиночек. Дискурсивное разнообразие

интенциональных типов становится возможным благодаря вариативным комбинациям маркировочных средств, репрезентирующих исследуемое коммуникативное поведение персонажей.

1. Методологические основы исследования

Варианты в трактовках понятия «дискурс» свидетельствуют о его многоаспектности и демонстрируют разнообразие научных подходов и точек зрения. Родоначальники теории дискурса – французские учёные Р. Барт [1], П. Серио [8], американский учёный З. Хэррис [10] – вывели исследование на уровень текста, погруженного в контекст. Идея напоминает известную триаду Ф. де Соссюра: язык – речь – речевая деятельность, где последний компонент и воспринимается дискурсом, отличным от речи, получаемой в виде устно-письменного текста.

Укажем на попытку Дэвида Кристала увидеть в понятии “discourse” то, что противоположно понятию текст. Его аргумент основывается на том, что при исследовании понятия “discourse” сами исследователи, как правило, фокусируются на естественном общении – интервью, комментарии (интервью организовано в формате диалога, а комментариев как реакция на сказанное) – то есть на живом языке. Исследователи текста переводят фокус своего внимания на структуру языка – а именно на письмо, графику, эссе, заметки, сюжет. Смысл понятий “discourse” и “text” более широкий для всех языковых единиц, если их коммуникативная функция устанавливается без учёта формы – письменной или устной. При этом некоторые учёные исследуют «дискурс письма и речи», другие – «сказанный или написанный текст»¹.

Так или иначе, постепенно отождествление дискурса с текстом стало второстепенным, главным же в определении

дискурса был назначен текст, «погруженный в ситуацию общения», где ситуация общения проявляет позиции и роли участников коммуникации (социальных и психологических), саму ситуацию (где и когда) и личность коммуникантов. Эта триада взята основой для дискурсивного анализа коммуникации литературных одиночек в пространстве художественных текстов. Есть все основания говорить об инклюзивной интенциональности как исходной позиции исследуемого коммуниканта, когда упомянутая триада необходимо учитывает и вписывает в коммуникацию и обуславливающую (а, скорее, усугубляющую) специфичное состояние персонажей-одиночек ситуацию, и личность коммуникантов, рассматриваемых в типологии интенциональности.

2. Основная часть

2.1. Персонаж-одиночка в культурно-парадигматическом свете

Фигура литературного одиночки из некой художественной реальности необходимо воспринимается символом некоторой культурной эпохи. Такая фигура бывает вписана в концептуальный мир художественного текста, а её проблемы реализуются дискурсивно, поскольку манифестируются в языке и включены интегральным элементом в новый художественный контекст.

Типология персонажей-одиночек, введенная Т. П. Журавлевой [4], высвечивает три интенционально значимых типажа: пассивно-депрессивный тип, позитивно действующий тип и тип смешанный, рефлексивно-действующий. Причём фигура одиночки, как заявляет исследователь, не является устойчивым типом, таковой способен меняться в любую сторону (чаще всё же эволюционировать в отношении смены депрессивных эмоций на эмоции более высокого порядка) или быть амбивалентным типом в отношении к своему состоянию.

Как утверждает Т. П. Журавлева [4, с. 3–4], все три типажа структурируют

¹ См.: Crystal D. Discourse // Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 286.

ся так, что их специфика выражается и прослеживается на основании повторяющихся высказываний. Дискурсивно и вариативно реализуемые монологические высказывания эксплицируют персонажа как тот или иной тип, использующий речевую форму внутреннего монолога с разной интенцией: пассивно-депрессивный тип обвиняет мир и общество в своих проблемах; позитивно действующий тип воспринимает своё состояние интенционально и признаёт его; рефлексивно-действующий тип противопоставляет себя обществу и даже Богу.

Являясь социально-психологическим состоянием, одиночество проявляется не как событие, а в личном переживании. В литературном произведении этот феномен выражается дискурсивно и оказывает существенное воздействие на речевое поведение персонажа, как это видно на примере из романа Т. Мана «Будденброки»:

War nicht jeder Mensch ein Mißgriff und Fehltritt? Geriet er nicht in eine peinvolle Haft, sowie er geboren ward? Gefängnis! Gefängnis! Schranken und Bande überall! Durch die Gitterfenster seiner Individualität starrt der Mensch hoffnungslos auf die Ringmauern der äußeren Umstände, bis der Tod kommt und ihn zu Heimkehr und Freiheit ruft ...¹

Существительные с семей «ограничения» и коннотативным мотивом отчаяния напоминают персонажу о том, что люди на протяжении своей жизни никогда не бывают свободными и смеют надеяться на освобождение только в потустороннем мире. Дискурсивно организованный контекст сводит причины такой убеждённости к проблемам интенциональной интерпретации мира protagonистом, его способности рационально взаимодействовать с ним, повышая свою коммуникативность (дискурсивно это может быть выражено, например, снижением доли внутренних монологов по

сравнению с участием в коммуникативно успешных диалогах).

2.2. Культурная интенциональность литературных одиночек

Понятие интенциональности восходит к теории речевых актов Дж. Сёрла [9, с. 152]. В теории любой письменный знак сигнализирует о некотором намерении и предполагает интерпретацию этого намерения. По мнению Дж. Сёрла, такая интенция – “ein menschliches Phänomen, das ein Element seiner biologischen Natur ist” [12, р. 8]. Феномен интенционального состояния есть состояние «С», имеющее психологическую подоплёку и репрезентативное содержание [9, с. 154]. Основополагающую характеристику проживаемой реальности находит в интенциональности и культурный психолог Рихард Шведер [13], поскольку корни её он видит в опыте индивида, на основе чего конструируется свой собственный мир, который, однако, определяется существующими культурными парадигмами. В интенциональности, таким образом, коренится ключевое понятие, способное осваивать доступный человеческому сознанию мир фактов. На этой основе все объективные реалии получают субъективное содержание, выкладываемое в центр повседневного человеческого взаимодействия. Закономерным становится вывод о том, что, если и мир по отношению к интенциональной фигуре является интенциональным, то интенциональность как фигуры, так и культуры проявляется материально, то есть дискурсивно. Показательным послужит пример из прозы Райнера Марии Рильке “Pierre Dumont”:

Sie lagen sich beide in den Armen und weinten. „Mein Kind!“ schluchzte die arme Frau. „Mama, ich bin ja in hundertzwanzig Tagen ...“ „Sei brav, bleib gesund ...“ und mit zitternder Hand machte sie dem Kleinen das Kreuzeszeichen ... Pierre aber riß sich los: „– Ich muss laufen, Mutter, sonst bekomme ich Strafe“, stammelte er, „und schreibe mir, Mut-

¹ Mann Th. Die Buddenbrooks. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1956. S. 625.

ter, ...“ – *Noch ein Kuss, und fort war er. ... Er taumelte in den breiten Flur hinein ... er war so müde ... „Dumont!“ rief eine brutale Stimme. Der Unteroffizier von der Torwache stand vor ihm. „Dumont! Zum Teufel, wissen Sie nicht, daß Sie sich zu melden haben?“¹*

Маленький мальчик, отец которого, офицер, погиб, а мама получает крошечную пенсию на содержание сына, имеет лишь одну единственную возможность получить образование за счёт государства, став военным. Жизнь в казарме, где правят жёсткие законы муштры и дисциплины, существенно отличается от атмосферы уюта и любви, которые окружают его дома, и тяготит мальчика. Этот контраст подчёркивают экспрессивные глаголы: „schluchzen“, „weinen“, „stammeln“, „taumeln“, посчитанные до следующего отпуска дни, оценочные определения „brutal“ und „zitternd“, вульгаризм „zum Teufel“. После весёлых и нежных каникул дома с мамой ему тяжело от неё оторваться, а грубый окрик дежурного по казарме становится пограничным признаком того, что он вернулся в мир жёстких и жестоких реалий, далёкий от мира любви и мечтаний. Между двумя культурами – культурой любящей семьи и всё подчиняющей культурой воинской службы – интенционально проложена огромная дистанция: «любовь-уважение» противопоставляются «подчинению», что выражено изменением семантики глаголов, эмоциональной аксиологией определений, укороченными от снижения мотивационного уровня эмоций синтаксическими структурами.

2.3. Культурная и языковая аксиология одиночества

Сопоставительные исследования показывают, что языковая логика в различных культурах может как совпадать, так и проявлять существенные различия. В начале исследования мы столкнулись с трудностью определения самого объекта

сопоставления, а затем и употребления эквивалентных «терминов» на лексическом уровне. Используя в отношении действующей фигуры художественного произведения в русском языке лексику «одиночка», что вполне сопоставимо с лексемой немецкого языка “Einzelgänger”, мы обнаружили, что обе лексемы перекрывают друг друга только номинально. Реальность русской культуры, например, инклюзирует и акцентирует некоторую жизненную позицию, не вписывающуюся в бытовые рамки окружающего общества (семантика термина «лишние люди»). Фигура художественной реальности с такой позицией опирается на собственные ориентиры и подпитывается энергией от самореализации. Однако ситуации непонимания провоцируют ситуации отторжения, фигура теряет ориентиры, погружаясь в неудовлетворённость и метания. Субъектность такой фигуры заключается не в одиночестве (Einzelgängigkeit; Alleinsein), а в одинокости (Einsamkeitsgefühl), описываемой авторами особым состоянием души – Einsamkeit. Так, из семантического перечня концепта «одиночество – Einsamkeit» мы, в соответствии с нашим исследовательским интересом, осознанно вычленим сему «состояние» с семантическими признаками: жизнь без любимого человека; временная, зачастую не желаемая изоляция; время/место погружения в себя. Это проживаемое и переживаемое состояние взаимодействует с языковым сознанием и способностью осуществления коммуникативных действий, благодаря чему фигура реализует свою интенцию и интенциональность в разрез с принятыми социально-языковыми формами и нормами. «Ситуативный вектор использования языка» ориентирован, по В. И. Карасику, обычно «на достижение взаимопонимания между участниками общения», а в нашем случае установление контакта не срабатывает, и значимые характеристики тональности, как и режима коммуникации, наруша-

¹ Rilke R. M. Pierre Dumont // Österreichisches Erlebnis. Moskau: Verlag „Progress“, 1973. S. 72.

ются [5, с. 62]. В немецком языке эквивалентом русской лексемы «одиночка» может выступать и лексема “Einsamer”, однако в качестве дискурсивного субъекта такое обозначение редко употребительно, по сравнению с более типичной для немецкого языка лексемой “Einsamkeit” как номинацией состояния души. Помимо этой особенности в немецкой культуре элементы синонимичных рядов концепта “Einsamkeit”, такие как *die Abgeschiedenheit, die Abgeschlossenheit, die Absonderung*, имеют амбивалентную аксиологию (могут интерпретироваться и как положительное, и как отрицательное психологическое состояние), тогда как в русской – однозначно отрицательную [7]. В контекстах возможны такие варианты употребления двоичной фреймовой семантики с учётом (1) социальной и (2) интенциональной форм существования и бытования литературной фигуры.

Примеры социальной формы существования литературного одиночки:

(1) *Ich hoffte volle Nahrung meines Herzens in der Einsamkeit zu finden.*¹

*Ich glaube wirklich, ich bin für den menschlichen Verkehr verloren.*²

*Danach könnte man glauben, ich sei für das Alleinsein geboren.*³

*... hielt mit keiner Seele Gemeinschaft*⁴ (общая сема примеров «удалённость ото всех»).

Примеры интенциональной формы существования литературного одиночки:

(2) *... hatte nicht viel Freude an dem Verkehr mit ihnen*⁵;

*... schleppen wir uns an dem Bewußtsein unserer Unnützlichkeit wund und krank*⁶;

*... fürchtete mich, mit einem Menschen einen Umgang zu haben*⁷;

*... das Leben eines Einsamen und wenig Geliebten*⁸;

*... heftiges Einsamkeitsbedürfnis*⁹ (общая сема примеров «глубокое переживание»).

Как видно из примеров, фактором различения двух семантических фреймов проявляет себя комплекс языковых и речевых фактов. Субъект одиночества, как правило, не номинирован, а манифестирован таковым в материатуре художественного произведения, причём лексически, семантически и эмоционально максимально плотно. В ходе исследования проведена работа по выявлению множества «эмоциональных экспликаторов», которые и составляют дискурсивную идентичность субъекта одиночества. В упомянутое множество вошли:

– пропозициональные экспликативы чувственных переживаний *arbeitete stumm, abgeschlossen, unsichtbar, voller Verachtung; stand vollkommen im Leeren*;

– номинативный ряд абстрактных экспликативов с интенсивностью бурующего персонажа чувства *Verödung, Vereinsamung und Verwilderung seines Lebens; Hochmut, Untreue und Mangel an Liebe*;

– номинативный ряд абстрактных экспликативов эмоционально-чувственного характера с отрицательным префиксом *Unmut; Unlust*;

– аксиологически отрицательные номинанты *Schmerzenstöße, Todesfurcht* (с развитием сюжетной линии наблюдается

[tps://clck.ru/34g49p](https://clck.ru/34g49p) (дата обращения: 12.09.2022).

⁶ Mann Th. Tristan.

⁷ Hesse H. Peter Kamenzind [Электронный ресурс] // ЛибКат : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34g4B8> (дата обращения: 12.09.2022).

⁸ Hesse H. Der Steppenwolf [Электронный ресурс] // Kostenlos Online Lesen : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34g4DN> (дата обращения: 12.09.2022). Далее – Hesse H. Der Steppenwolf.

⁹ Hesse H. Glasperlenspiel [Электронный ресурс] // ЛибКат : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34g4M8> (дата обращения: 12.09.2022).

¹ Novalis. Heinrich von Ofterdingen. Erstausgabe 1802 [Электронный ресурс] // Projekt Gutenberg-DE : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34g48M> (дата обращения: 12.09.2022).

² Kafka F. Briefe an Felice und andere Korrespondenz aus der Verlobungszeit (Auswahl). Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1985. S. 163.

³ Там же. S. 180–181.

⁴ Mann Th. Tristan [Электронный ресурс] // ЛитРес : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34g48c> (дата обращения: 12.09.2022).

⁵ Mann Th. Der kleine Herr Friedemann [Электронный ресурс] // Project Gutenberg : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34g48c>

усиление градации негативной направленности у номинативных экспликатов: *Schmerzensteine* → *Todesfurcht*);

– номинативные группы для репрезентации чувственных явлений абстрактного характера: *Harmonie seines Geistes*; *Beängstigung seines Herzens*;

– пропозициональные маркеры настоящего времени (для глаголов) *sich wohl befinden*; *zum Marienkäfer werden möchte*; *die Freiheit ängstigt*; *fühlt sich allein, verlassen von aller Welt*;

– распространённый номинант (минимум одно, а чаще группа определённый) *alle verstohlenen einsamen Stunden*; *ein scharfer, drängender Schmerz*; *das leere und taube Nichts*;

– окказиональные языковые средства, характеризующие индивидуальное ощущение состояния (единоразовые, неповторимые элементы или их комбинации, выраженные субстантивированными частями речи, композитами, метафорическими сравнениями и авторскими неологизмами): *Absterben und Fremdwerden*; *Steppenwölfigkeit*; *das leere und taube Nichts*;

– наречия и причастия с признаком чувственного переживания *müde und abgehetzt*; *gekältet, gehärtet und mit stillem, nachsichtigem Pessimismus*;

– статичные пропозициональные маркеры (*Eine geheime, unbeschreibliche Kraft ...*, *das Bewußtsein, einen Druck auf die Bewegungen des Lebens um mich her durch mein bloßes Vorhandensein auszuüben ...*¹);

– маркеры имплицитной модальности (грамматические, лексические), выражающие уверенность / неуверенность, сомнения, терзания, категоричность, колебания, скрытые или яростные желания (*Konjunktiv I, Konjunktiv II, Konditionalis I*; *allerdings, begreiflicherweise, erstaunlicherweise, freilich, glücklicherweise, gottlob, Gott sei Dank, jedenfalls, unbedingt, wahrhaftig, zwar, zweifellos, zweifelsohne, selbstverständlich, wohlverstanden, wohl, zum Glück, leider,*

schade, zu meinem Bedauern, unglücklicherweise, zum Unglück);

– сложные синтаксические конструкции с высокой информативностью репрезентации переживания и интенсивной плотностью ощущения чувства одиночества (*Und in der Tat, wenn die Welt recht hat, wenn diese Musik in den Cafés, diese Massenvergnügungen, diese amerikanischen, mit so wenigem zufriedenen Menschen recht haben, dann habe ich unrecht, dann bin ich verrückt, dann bin ich wirklich der Steppenwolf, den ich mich oft nannte, das in eine ihm fremde und unverständliche Welt verirrte Tier, das seine Heimat, Luft und Nahrung nicht mehr findet.*²);

– превалирующее или вкрапленное описание автором/рассказчиком эмоционально-психологического состояния субъекта одиночества (*Er lebte still und für sich, ... denn gesellig war dieser Mann nicht, er war in einem hohen, von mir bisher bei niemandem beobachteten Grade ungesellig, er war wirklich, wie er sich zuweilen nannte, ein Steppenwolf, ein fremdes, wildes und auch scheues, sogar sehr scheues Wesen aus einer anderen Welt als der meinigen.*³);

– внутренний монолог / внутренняя речь самого персонажа-одиночки (*Wie sollte ich nicht ein Steppenwolf und ruppiger Eremit sein inmitten einer Welt, von deren Zielen ich keines teile, von deren Freuden keine zu mir spricht!*⁴);

– функционально-смысловые типы речи: повествование от 1-го лица с рассуждениями или несобственно-прямой речью; повествование от третьего лица (*Er lebte sehr still und für sich, ... denn gesellig war dieser Mann nicht, er war in einem hohen, von mir bisher bei niemandem beobachteten Grade ungesellig, er war wirklich, wie er sich zuweilen nannte, ein Steppenwolf, ein fremdes, wildes und auch scheues, sogar sehr scheues Wesen aus einer anderen Welt als der meinigen.*⁵).

¹ Mann Th. Die Buddenbrooks. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1956. S. 409.

² Hesse H. Der Steppenwolf.

³ Hesse H. Der Steppenwolf.

⁴ Hesse H. Der Steppenwolf.

⁵ Hesse H. Der Steppenwolf.

Семантическая плотность манифестации одиночества как специфического состояния души создаётся повествователем (автором; рассказчиком от 1-го или 3-го лица) посредством эмоционально-когнитивной организации текста. Здесь фигурант состояния не номинируется, а организуется и репрезентируется таковым. Здесь участвуют как спектр отрицательных эмоций, так и «позитивное» одиночество (термин А. С. Гагарина [2, с. 33–34]) при осознанном его выборе для уединения с целью самоуглубления как способа постижения некоторых истин, природных или социальных тайн: необходимость к рефлексии жизненных ситуаций; формирование определённой жизненной философии; способность к адекватным социальным отношениям; осознанно выбираемый / навязываемый полюс близости / одиночества; самоприятие; расширение границ «Я»; осозна-

ние необходимости проявлять заботу о другом; реалистичное восприятие своего успеха/неуспеха; способность делать выводы из провалов. Речевые формулы постижения таких истин существенно отличаются от известных и принятых в обществе правил, устоев и конвенций по употреблению языка. Приблизительно это сопоставление представлено в табл. 1.

**Результаты исследования
и перспективы**

При сопоставлении наглядно видим относительное постоянство, логичность, мотивированность и устойчивость конвенциональных лексических сочетаний (в левой колонке табл. 1) по сравнению с расширением структурных комбинаций, содержащих субъективные реакции фигурантов, ощущающих на себе «враждебность» мира. Репрезентативное развёртывание лексического, модального

Таблица 1 / Table 1

**Сопоставление конвенциональных и неконвенциональных речевых формул /
Comparison of conventional and non-conventional speech formulas**

Конвенциональные речевые формулы	Речевые формулы глубоко переживающего человека в дискурсивной интенциональности
Mir passt diese Welt nicht	„Mich plagen keine Skrupel noch Zweifel, Fürchte mich weder vor Hölle noch Teufel.“ ¹
Ich sehe keinen Sinn im Leben	ohne Sinne, keine Aussicht, kein Trost; mein hoffnungsloses, freudeloses Dasein
Ich finde keinen Platz für mich in diesem Leben	sich für nichts achtet; grau und unauffällig umhergeht; man muss gestorben sein; hatte immer den Wunsch zu sterben; wollte und begehrte nichts
Ich habe mein Glück verloren	keine Harmonie seines Geistes; Beängstigung seines Herzens; innerliche Hitze und Heftigkeit; eine peinliche Lage, deren Qual er doppelt und dreifach in seiner Einsamkeit empfindet; die tiefe Sehnsucht nach seinem verlorenen Glück
Das Leben ist so langweilig	der schläfrige Zufriedenheitgott; dies abgetönte, flache, normierte und sterilisierte Leben
Ich kann mein Leben nicht mehr ertragen	Entwachsen, Entwerden, heimlicher Tode, große Qual, kaum mehr erträglicher Druck und Leid, Absterben und Fremdwerden
Ausgestoßene (nach V. Hugo)	Steppenwölfe (nach H. Hesse)

Источник: составлено автором по результатам исследования

¹ Goethe J. W. Faust. Der Tragödie erster und zweiter Teil. Berlin: Verlag „Neues Leben“, 1966. S. 27.

и эмоционального наполнения синтаксических структур свидетельствует об особом речевом поведении субъектов одиночества в структуре дискурсивной интенциональности. Текст, погруженный в ситуацию общения, необходимо и релевантно проявляющую позиции и роли участников, саму ситуацию и личность коммуникантов, предъясняет дискурс особого чувственного состояния и обусловленного этим состоянием речевого поведения персонажа-одиночки.

То есть пространство художественного текста конструируется как коммуникативная ситуация, в которой проговаривается внутренний мир и чувственное состояние действующей фигуры (субъекта одиночества). А. Р. Сколлон делает акцент у фигуры одиночества на нарушении межличностных, интерперсональных и коммуникативных отношений [11]. Проведённое нами исследование фактически формулирует прагмалингвистический аргумент данного мнения: типичная форма коммуникации персонажа-одиночки в художественном произведении – внутренний монолог либо несобственно-прямая речь – свидетельствует о физическом отсутствии визави в коммуникативной ситуации: он может быть не обозначен, обозначен или упомянут, но отсутствует в ситуации общения, что разворачивает «коммуникативную направленность» говорящей фигуры в ситуативную пустоту.

*Mich plagen keine Skrupel noch Zweifel,
Fürchte mich weder vor Hölle noch Teufel.*¹

*Wer sich begreift aus seinem eignen Stamme,
der preßt sich selber zu dem Tropfen Weins
und wirft sich selber in die reinste Flamme.*²

*Der große Tod, den jeder in sich hat, das
ist die Frucht, um die sich alles dreht. / Leben
und Tod: sie sind im Kerne eins.*³

¹ Goethe J. W. Faust. S. 27

² Rilke R. M. Gedichte. Zweisprachige Ausgabe (deutsch/russisch) / herausgegeben von V. Kuprijanov. Moskau: OAO Verlag «Raduga», 2001. S. 248.

³ Rilke R. M.: Gedichte. Zweisprachige Ausgabe (deutsch/russisch) / herausgegeben von V. Kuprijanov. Moskau: OAO Verlag «Raduga», 2001. S. 54.

*Du, Geist der Erde, bist mir näher; Schon
fühl ich meine Kräfte höher, Schon glüh ich
wie von neuem Wein. Ich fühle Mut, mich in
die Welt zu wagen, Der Erde Weh, der Erde
Glück zu tragen, Mit Stürmen mich herum-
zuschlagen Und in des Schiffbruchs Knirschen
nicht zu zagen.*⁴

Нарушение в схеме коммуникации происходит на полюсе образующейся лакуны из-за не присутствующего в моменте коммуникации собеседника. Данное нарушение дискурсивно организовано и оправдано для любой фигуры литературного одиночки, без учёта его интенционального типа. А в терминах максим П. Грайса [3] можем говорить о неконвенциональной коммуникации – нарушении коммуникации в следствии отсутствия принимающего коммуниканта и, соответственно, недостижения коммуникативного эффекта. Не по какой-то максиме в отдельности, а в их прагматическом понимании, когда экспликатура структуры языковых выражений значительно превосходит релевантность ситуации, а имплицатура вытесняет фигуру одиночки за пределы конвенциональной коммуникации и квалифицирует её (коммуникацию) как обречённую на провал.

В заключении следует обозначить перспективу продвижения в исследуемом вопросе. Существовая в парадигме коммуникативной необходимости, персонаж выполняет свою социальную задачу, позиционируя себя, однако, вне мира людей. Иллокутивные характеристики его высказываний качественно не соответствуют признаваемым параметрам. В свете таких несоответствий интересно углубиться в номинативное расхождение культурно реализуемых литературных одиночек в немецкой и русской лингвокультурах, проявленное в оппозиции «одиночка» – «Einzelgänger», и получить прагмалингвистическое описание отличий социального и интенционального одиночек в обеих культурах.

Дата поступления в редакцию 29.12.2022

⁴ Goethe J. W. Faust. S. 31.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с франц. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 427–441.
2. Гагарин А. С. Экзистенциалы человеческого бытия – одиночество, смерть, страх: от античности до Нового времени, историко-философский аспект: дисс. ... докт. филос. наук. Екатеринбург, 2002. 355 с.
3. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–238.
4. Журавлева Т. П. Репрезентация состояния одиночества в произведениях немецкоязычных писателей XVIII–XX вв. и формы ее концептуализации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2017. 30 с.
5. Карасик В. И. Дискурсивная точность: функциональные характеристики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. Т. 2. С. 61–71. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-3-2-61-71.
6. Морозова М. Е. Коммуникативный тип художественного одиночки в немецкой литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-2 (51). С. 144–148.
7. Подзолкова Н. В. Концепт «одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 223 с.
8. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / под общей ред. П. Серио. М.: Прогресс, 1999. С. 14–53.
9. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов / сост. И. М. Кобозева, В. З. Демьянков. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
10. Harris Z. S. Discourse analysis // Language. 1952. Vol. 28. No. 1. P. 1–30.
11. Scollon R. Interdiscursivity and identity // Critical Discourse Analysis. Critical Concepts in Linguistics. Vol. IV: Current Debates and New Directions / ed. M. Toolan. London, New York: Routledge, 2002. P. 79–94.
12. Searle J. R. Speech Acts: an Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 212 p.
13. Schweder R. A. Moral Maps, “First World” Conceits, and the New Evangelists // Culture Matters. How Values Shape Human Progress / eds. L. E. Harrison, S. P. Huntington. New York: Basic Books, 2000. P. 158–176.

REFERENCES

1. Bart R. [Discourse of history]. In: Bart R. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [Fashion system. Articles on the semiotics of culture]. Moscow, Izdatelstvo im. Sabashnikovykh Publ., 2003, pp. 427–441.
2. Gagarin A. S. *Ekzistentsialy chelovecheskogo bytiya – odinochestvo, smert', strakh: ot antichnosti do Novogo vremeni, istoriko-filosofskiy aspekt: diss. ... dokt. filos. nauk* [Existentials of human existence – loneliness, death, fear: from antiquity to modern times, historical and philosophical aspect: D. thesis in Philosophical sciences]. Yekaterinburg, 2002. 355 p.
3. Grice H. P. [Logic and speech communication]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 16: Lingvisticheskaya pragmatika* [New in foreign linguistics. Issue. 16: Linguistic pragmatics]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 217–238.
4. Zhuravleva T. P. *Reprezentatsiya sostoyaniya odinochestva v proizvedeniyakh nemetskoyazychnykh pisateley XVIII–XX vv. i formy yeye kontseptualizatsii: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Representation of the state of loneliness in the works of German-speaking writers of the 18th–20th centuries. and forms of its conceptualization: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Pyatigorsk, 2017. 30 p.
5. Karasik V. I. [Discourse precision: functional characteristics]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 3, vol. 2, pp. 61–71. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-3-2-61-71.
6. Morozova M. Ye. [Communicative type of an artistic loner in the German literature]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2015, no. 9-2 (51), pp. 144–148.
7. Podzolkova N. V. *Kontsept «odinochestvo» v nemetskoy i russkoy lingvokul'turakh: diss. ... kand. filol. nauk* [The concept of “loneliness” in German and Russian linguistic cultures: PhD thesis in Philological sciences]. Volgograd, 2005. 223 p.

8. Sériot P. [How texts are read in France]. In: Sériot P., ed. *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: French school of discourse analysis]. Moscow, Progress Publ., 1999, pp. 14–53.
9. Searle J. R. [What is a speech act?]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vypusk XVII. Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Issue XVII. Theory of speech acts]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 151–169.
10. Harris Z. S. Discourse analysis. In: *Language*, 1952, vol. 28, no. 1, pp. 1–30.
11. Scollon R. Interdiscursivity and identity. In: Toolan M., ed. *Critical Discourse Analysis. Critical Concepts in Linguistics. Vol. IV: Current Debates and New Directions*. London, New York, Routledge, 2002, pp. 79–94.
12. Searle J. R. *Speech Acts: an Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge, Cambridge University Press, 1969. 212 p.
13. Schweder R. A. Moral Maps, “First World” Conceits, and the New Evangelists. In: Harrison L. E., Huntington S. P., eds. *Culture Matters. How Values Shape Human Progress*. New York, Basic Books, 2000, pp. 158–176.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Морозова Маргарита Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры германистики и межкультурной коммуникации Пятигорского государственного университета;
e-mail: mar.mor@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Margarita E. Morozova – Cand. Sci. (Philology), Prof., Department of German Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University;
e-mail: mar.mor@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Морозова М. Е. Специфика дискурса «литературных одиночек» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 121–131.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-121-131

FOR CITATION

Morozova M. E. The specifics of the discourse of “literary loners”. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 121–131.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-121-131